

Дышущая земля

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Глембоцкий

Дымная земля

<https://litres.ru/74681294>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Когда-то небо было синим. Но это было так давно, что даже бабушкины сказки звучали как ложь.»

Александр Глембоцкий

Дымная земля

Пролог

— Скажи, — спросила она, когда они впервые встретились у разбитой водокачки, — ты правда видел небо?

Он не обернулся. Руки его, чёрные от копоти, продолжали перебирать какие-то шестерёнки, которые давно никто не чинил. С минуту он молчал, и она уже решила, что он просто глухой или притворяется.

— Видел, — сказал он. Голос был хриплый, как будто он не разговаривал с людьми много лет. — Один раз. Когда был маленьким.

Она не знала, верить ли ему. Ей было семнадцать, и дымная мгла стояла над городом всю её жизнь. Бабушка рассказывала, что когда-то небо было синим, но Лада считала это сказками для маленьких — такими же, как про белого коня, который пьёт воду из золотого источника.

Но в его голосе не было сказки. Была только усталость.

— Зачем ты чинишь то, что сломано? — спросила она, садясь рядом на ржавый ящик. — Водокачка всё равно не работает. Ты не сможешь её починить.

Он повернулся к ней. И она впервые увидела его лицо — не старое, но выцветшее, как будто его сушили годами серого

неба. Глаза его были странными — не пустыми, как у всех, кто жил в этом городе. В них была какая-то тревога. Словно он всё время искал что-то, что никто не замечал. Но так же свет, который было трудно разглядеть.

— Я чиню её не для того, чтобы она заработала, — сказал он. — Я чиню её, чтобы не забыть, как это делается. Когда придёт время — я должен быть готов.

— К чему?

Он помолчал. Потом показал на небо — серую непроглядную пелену, которая висела над городом уже столько лет, что её перестали замечать.

— Ты знаешь, что там, за дымом?

Лада покачала головой. Она не знала. Она даже не задумывалась об этом. Дым был таким же естественным, как земля под ногами.

— Там солнце, — сказал он. — И ему нужно помочь.

Глава 1. Город без зрачков

Город назывался Приморский. Когда-то он был портовым, но море отступило, или его засыпало пеплом, — никто уже не помнил. Остались только ржавые краны, торчащие из дымки, как кости вымершего зверя. И остовы кораблей, которые когда-то бороздили моря. Теперь они стояли на прибрежи, облепленные гарью, как скелеты, которые забыли похоронить.

Запах гари въелся в одежду так глубоко, что даже после

стирки он оставался — тонкий, горький, напоминающий о том, что воздух здесь никогда не был чистым. Люди ходили в масках — не потому что боялись заразы, а потому что воздух был липким и обжигал горло. Маски давно стали частью одежды, их меняли, как перчатки, и дети играли в войну, надевая их как боевую амуницию. Старые, сбитые с ног ветром, маски валялись в сточных канавах, как вылинявшие флаги.

В центре города висел плакат: «Победа великой НАЦИИ превыше всего». Его обновляли раз в два года, но никто уже не верил, что победа когда-нибудь наступит. Только смотрели вверх и видели серый потолок, который давил на город, как крышка гроба.

Славка жил на водокачке уже семь лет. До этого он работал на заводе, но его уволили за «несоответствие трудовой дисциплине» — он часто останавливался и смотрел вверх, на дым, и начальник говорил, что это «непроизводительные потери времени». Потом он перебивался случайными заработками, но никто не хотел брать человека, который «не от мира сего». Когда умерла его мать, он остался один. Водокачка была заброшена, и он поселился в сторожке, потому что там никто не мешал ему смотреть на небо.

Он не был сумасшедшим. Просто он запомнил тот день.

Ему было пять лет. Война уже шла, но дым тогда был не таким плотным, иногда сквозь него проглядывало что-то похожее на свет. В тот день он лежал на траве — трава тогда ещё была живой, не серой, — и смотрел вверх. Внезапно

облака разорвались, и он увидел его — синее, бесконечное, невозможное. Это длилось не больше полуминуты, но он запомнил его навсегда. Он не знал, что это называется «небо». Он просто знал, что это самое прекрасное, что он видел в своей жизни.

А потом облака сомкнулись, и больше он не видел синевы. Но он искал её. В каждом просвете, в каждой щели. Он искал её как потерянное сокровище, о котором никто не хотел говорить.

Он знал, что тьма, которая покрыла землю, не просто дым от пожаров. У неё был источник. И он не мог объяснить, откуда он это знает, но он чувствовал — как чувствует слепой тепло солнца. Ему нужно было дойти до этого источника. Не уничтожить его, а просто напомнить ему, что есть свет. Что он был и что он вернётся, если кто-то не перестанет в него верить.

Лада пришла к водокачке на третий день.

Она искала его не потому, что верила ему. Она просто не могла забыть его взгляд. В городе, где все глаза стали серыми и стеклянными, его глаза горели тихим огнём.

Она работала в госпитале санитаркой. Каждый день она видела людей, которые перестали чувствовать — они жили, двигались, говорили, но внутри них словно что-то умерло. Она сама чувствовала, как это что-то умирает в ней. И когда она встретила его, она поняла — в нём оно ещё жило. Она

хотела понять, как ему это удаётся.

Она нашла его на крыльце водокачки. Он сидел на старой скамье и смотрел вверх. Ветер шевелил его волосы, и она заметила, что они седые у висков, хотя он не был старым.

— Ты каждый день смотришь на это? — спросила она, садясь рядом.

— Да, часто.

— Кто тебе сказал, что оно вернётся?

Он посмотрел на неё. В его взгляде не было уверенности, но была странная, почти детская вера.

— Никто. Я просто знаю.

Она молчала несколько минут. Слышно было, как ветер гудит в ржавых трубах водокачки, как где-то далеко хрипло кашляет человек, как скрипят остовы кораблей у причала.

— Можно я буду ходить с тобой?

Он удивился. Никто никогда не хотел ходить с ним. Он был один. Он привык быть один.

— Зачем тебе это?

Она пожала плечами.

— Я хочу знать, что там, за дымом. Бабушка говорила, что небо было синим. Я хочу увидеть его, чтобы понять, врала ли она.

Он усмехнулся. Первый раз за много лет.

— Сначала поразмысли, нужно ли тебе. Знаешь, за общение с таким как я, ты можешь сгубить своё настоящее.

Слова Славки как кнут прорезали воздух. Ладу поразило

то, что он не отталкивал, а наоборот предупредил о последствиях общения с юродивым. Она медленно встала, кивнула и побрела домой. Ей надо было много что обдумать.

Она шла по серым улицам Приморского, и в ушах у неё всё звучал его голос — хриплый, усталый, но живой. Она смотрела на прохожих: они шли, опустив головы, торопясь, пряча глаза. Она смотрела на детей, которые рисовали на стенах мелом — серыми, чёрными, коричневыми линиями. Никто не рисовал солнце. Никто не рисовал небо.

Она остановилась у старого ржавого крана. Внизу, в воде, отражался серый дым. Она подняла голову. Там, в вышине, тоже был серый дым. Всё было серым. И вдруг она поняла, что хочет знать, правда ли, что там, за этой серой пеленой, есть что-то другое. Она не знала, почему ей это важно. Но она чувствовала, что если не узнает — то погаснет окончательно, как те люди в госпитале, которые переставали бороться.

Славка ещё долго сидел после того как она ушла. Ему было о чём подумать. Он вспоминал себя — каким он был. Мало кто помнил его настоящее имя — Владислав. Так называли его родители. Отец не стало, когда ему был всего лишь год. Мать трудилась на нескольких работах, чтобы обеспечить их выживание в этом мире.

Он рос сам по себе, как все дети в Приморском, — до по-

ры до времени играл в войну, не задавая вопросов. Но всё изменил тот самый случай. Осознание и понимание того, что всё происходящее нелепо, что всех наглым образом обманывают, приплетают ложные идола и бессмыслицу — тронуло его неокрепший детский ум. Это был как удар током.

Слава хотел поделиться этим с матерью. Но она, видя живой огонь в глазах сына, испугалась.

— Вячислав, я очень прошу тебя, забудь. Никому никогда не говори.

— Но почему, мама? Ведь это правда.

— Потому что эту правду нельзя доносить людям.

Он не понял тогда. Он долго не мог понять. Почему правду нельзя говорить? Почему надо прятать свет, который ты видишь? Он искал ответы в книгах — старых, пыльных, которые мать приносила с барахолки. Но в них не было ответа. Только вопросы, которые становились всё острее.

А потом мать умерла. И он остался один — с этой правдой, которую нельзя было говорить, и с небом, которое он помнил, но которое никто не хотел видеть.

Он сидел на крыльце водокачки и смотрел в серую высь. Ветер шевелил его седеющие виски, и он думал о том, как странно устроен мир: люди боятся правды больше, чем дыма. Они привыкли к серости, потому что она не требует выбора. А правда — она требует. Она заставляет идти. Даже когда ноги не хотят.

Он посмотрел на осколок зеркала, который нашёл на пе-

пелище несколько дней назад. Он лежал в его кармане, тёплый, словно живой. В нём иногда отражалось не серое, а синее небо. Он не знал, как это возможно. Но он верил, что это знак.

Он убрал осколок обратно. Скоро он уйдёт. Туда, где кончается дым. И он не знал, вернётся ли. Но знал, что должен идти.

А Лада... она была как тот осколок. Она отразила свет, который он почти перестал замечать в себе. И он не знал, хорошо это или плохо. Но он знал, что она выбрала идти. И это был её выбор. Не его.

Лада не спала всю ночь. Лежала на старой кровати, смотрела в потолок, который был таким же серым, как небо за окном. В ушах всё звучал его голос — хриплый, усталый, но живой. Она перебирала в памяти его слова. В них не было обещаний. Только предупреждение: «Ты можешь сгубить своё настоящее».

Но какое у неё было настоящее? Комната с облезлыми обоями, работа в госпитале, где она видела, как люди гаснут, и пустота, которая с каждым днём становилась всё глубже. Её настоящее было серым, как небо. И она вдруг поняла, что не хочет больше жить в этом настоящем.

На рассвете она встала. Пора было собираться в госпиталь. С вещателя доносились слова ведущего о новых побе-

дах, сводки с фронта, и, как всегда, о величии держателей. Голос был ровный, гладкий, как отполированный камень. Он не оставлял места для сомнений.

Родители Лады только вернулись с ночной смены и пытались успеть отдохнуть перед началом ежедневной проверки. Отец сидел на кухне, сжимая кружку с каким-то тёплым мутным пойлом, мать устало перебирала вещи, пытаясь найти чистую маску.

— Дочка, тебя видели с этим убогим.

Слова отца выдернули Ладу из размышлений. Она замерла, чувствуя, как его голос разрезает утреннюю тишину. Не гневный, нет. Тревожный. Мать, не поднимая головы, тихо добавила:

— Мы, конечно, не можем тебе запрещать, с кем общаться...

— Но ты подумай, чем грозит тебе общение с этим юродивым, — закончил отец.

Лада глубоко вздохнула. Она знала этот разговор. Они повторяли его каждый раз, когда замечали, что она задерживается у водокачки или смотрит в небо дольше, чем положено. Она повернулась к ним.

— Мама, папа, я уже два года как совершеннолетняя. Я знаю, что вправе выбирать круг своего общения.

Отец покачал головой. Мать положила руку ему на плечо.

— Не серчай на мать, — сказал он. — Мы беспокоимся о тебе. Его не просто так не принимают в горожане.

Лада подошла к отцу и села напротив. Она смотрела на него, на его уставшее, просевшее от лет и дыма лицо.

— Папа, я знаю. Но вы видели его глаза? Он не безумен. Он просто видит то, что другие перестали замечать.

Отец долго молчал. Потом встал, подошёл к окну и посмотрел на серое небо.

— Я тоже когда-то смотрел вверх, — сказал он тихо. — Но я перестал. Потому что если смотреть слишком долго, то начинаешь замечать, что там ничего нет.

— Там есть свет, папа. Я чувствую это.

Он не ответил. Только покачал головой и направился в комнату готовиться к проверке.

Ежедневные проверки в Приморском были не просто формальностью. Они были ритуалом. Классическое исполнение гимна, громогласное приветствие держателей, заверения в верности нации. Люди выстраивались в колонны, повторяли заученные слова, смотрели прямо перед собой. В эти моменты город замирал, и казалось, что даже дым переставал двигаться.

Раз в месяц проводились также подсчёты численности населения и полезности каждого горожанина. Тех, чья «полезность» падала ниже допустимого уровня, переселяли на окраины, ближе к фронту, где воздух был гуще, а жизнь — короче. Никто не знал, по каким критериям их оценивали, но все знали, что быть «неполезным» опасно.

Лада знала это. Поэтому она работала в госпитале, не пропускала ни одной проверки, старалась не выделяться. Но иногда, когда она смотрела вверх и видела дым, в ней просыпалось что-то, что нельзя было объяснить словами.

Она поправила маску перед выходом, глубоко вздохнула и вышла на улицу. Ей нужно было быть на площади через полчаса. И она знала, что сегодняшняя проверка будет особенно тяжёлой — потому что она приняла решение, о котором родители ещё не знали.

На площади уже строились колонны. Лада встала на своё место — третий ряд, между санитаркой из соседней смены и стариком-путейщиком, который каждый раз кашлял в кулак так, что казалось, лёгкие вот-вот останутся на брусчатке.

Из динамиков зазвучал гимн. Все подхватили — нестройно, механически, глядя прямо перед собой. Лада двигала губами, не вслушиваясь в слова, которые знала наизусть с пяти лет. Она смотрела на серое небо, на дым, который клубился над городом, и думала о том, что через несколько часов она уже не будет здесь. Она будет идти.

По рядам шёл человек с планшетом — молодой, в опрятной форме, с лицом, на котором не читалось ничего. Он останавливался у каждого третьего, задавал вопрос, делал пометку. Вчера с окраины забрали семью путейщика — соседа старика в третьем ряду. «Понизили категорию», — говорили шёпотом. Дальше подробностей никто не уточнял,

потому что уточнять было опасно.

Человек с планшетом остановился напротив Лады.

— Госпиталь? Санитарка?

— Так точно.

Он сделал пометку и пошёл дальше, не поднимая глаз. Лада выдохнула — только сейчас заметив, что не дышала.

---Стоя на крыльце своей сторожки он наблюдал за происходящим.

Славка тоже когда-то стоял в таких колоннах. Ему было девять. Учительница в школе рисовала мелом на доске карту — территорию нации, обведённую жирной линией, и территорию врага, заштрихованную чёрным.

— А что там? — спросил он, показывая пальцем за пределы карты, туда, где мел заканчивался и оставалась пустая доска.

Класс засмеялся. Учительница поправила очки.

— Там ничего нет, Владислав. Карта закончена.

Он не унимался.

— А тот дядя вчера в очереди за хлебом говорил, что раньше можно было ездить к морю. В другую страну. На поезде.

Смех в классе оборвался. Учительница подошла к его парте медленно, как будто боялась спугнуть что-то.

— Кто говорил?

Он не ответил. Он уже понял — по её лицу, по тому, как она вдруг понизила голос, — что сказал что-то, чего гово-

рить было нельзя. В тот вечер мать не ругала его. Она просто сидела на кухне очень долго, ничего не делая, а потом сказала фразу, которую он запомнил на всю жизнь:

— В этом мире есть слова, которые нельзя говорить даже когда они правда.

Он не понял тогда. Он долго не мог понять. Но теперь, стоя у ворот водокачки и глядя на дорогу, уходящую в серую мглу, он знал: есть правда, которую нельзя доносить людям, потому что они не готовы её принять. А есть правда, которую нужно нести, даже если мир не готов её услышать.

Он посмотрел на осколок зеркала в кармане. Он отражал не серое, а синее небо. И Слава знал — он должен дойти. Должен напомнить этому миру, что свет существует.

В госпитале пахло йодом, мокрой марлей и чем-то сладковатым — тем, что заменяло лекарства. Лада затягивала бинт на руке раненого, который не говорил ни слова. Он просто смотрел в потолок, пока она работала. Потом кивнул и отвернулся к стене.

Она выпрямилась, потянула спину и оглядела палату. В углу у окна сидели две санитарки — Нина и Ольга. Они пили из алюминиевых кружек что-то горячее и переговаривались с той лёгкостью, которая была возможна только в моменты затишья.

— ...я ему говорю: ты что, с ума сошёл? — Нина поправила платок. — Нашёл время радоваться. Кто сейчас радуется?

Только враг радуется, когда мы расслабляемся.

Ольга кивнула, не отрываясь от кружки.

— И правильно. Сейчас не время для улыбок. Война — она выковывает характер. Держатели говорят: через страдания мы становимся сильнее.

— А я слышала, — вставила третья, Зина, — что в прошлом месяце на южном блокпосту женщина начала доказывать, что за линией тоже есть люди такие же как мы. Просто надо верить в это.

Нина поперхнулась.

— Ну и что?

— А то, что её забрали. Сказали — панику сеет. Нет никаких людей. Есть только смерды, которые хотят уничтожить наших держателей, и нашу нацию.

Лада замерла. Бинт в руках стал тяжёлым, как свинец. Она сделала вид, что поправляет повязку, но на самом деле просто слушала, впитывая каждое слово.

— Конечно, — сказала Ольга. — Там, где нет врага, нет и жизни. Вера — это слабость. А мы сильные. Нам нужна победа.

— Вот именно, — поддержала Зина. — Я ещё вчера на проверке стояла и думала: как хорошо, что мы знаем своё место. Что у нас есть держатели. Они нам правду говорят. А правда — она одна. И она твёрдая.

Лада почувствовала, как воздух становится гуще. Она хотела сказать что-то — что-то, что рвалось наружу, но не на-

ходило слов. Она смотрела на Нину, Ольгу, Зину — на их уверенные, почти торжествующие лица. И в голове звучал голос отца: «Я тоже когда-то смотрел вверх. Но я перестал».

— А ты чего молчишь? — спросила Нина, повернувшись к Ладе. — Лада, ты же санитарка. Ты должна понимать, что порядок — это основа. Без порядка нет жизни.

Лада медленно подняла взгляд.

— А если там, за дымом, правда? — тихо спросила она. — Если там действительно есть люди? И солнце?

В палате повисла пауза. Ольга поставила кружку, будто услышала что-то неприличное. Нина нахмурилась.

— Ты что, тоже начала в сказки верить? — сказала она с лёгкой насмешкой, которая, однако, не скрывала тревоги.

— Это не сказки, — ответила Лада. — Я чувствую. Мы не должны жить так. Мы должны дышать не дымом.

Зина переглянулась с Ниной и тихо произнесла:

— Лада, ты хорошая девочка. Но не говори так больше. Услышат — и тебя заберут, как ту женщину на южном блокпосту.

Лада замолчала. Она почувствовала, как слова застревают в горле. Она опустила глаза и снова начала перебирать бинт, но внутри неё уже зрело что-то твёрдое, почти невыносимое. Она знала, что это неправильно — то, что они говорят. Что война не может быть благом, а тьма — нормой. Что свет — это не слабость, а жизнь.

Но она молчала. Пока что молчала.

Солнце не взошло — оно просто перестало быть ночью. Слава открыл глаза и долго смотрел в потолок сторожки, слушая, как ветер гуляет в ржавых трубах водокачки. Он не спал — он просто лежал, перебирая в памяти вчерашние слова Лады. Её голос, её вопрос, её шаги, удаляющиеся по серой брусчатке.

Он встал, надел старое пальто, заварил воду. Желудок не просил еды. Он вышел на крыльцо и сел на скамью, глядя на город, который дышал дымом.

Люди шли мимо. Кто-то торопился на работу, кто-то стоял в очереди у раздаточного пункта, кто-то просто брел, опустив голову. Никто не смотрел вверх, кроме него. Лед пустых глазниц был в каждом лице. Он знал — они смотрели только под ноги, потому что там, вверху, не было ничего, что они могли бы узнать.

— Эй, юродивый! — крикнул мальчишка лет двенадцати из проходящей компании. — Опять смотришь на дым? Скажи нам, что там, а?

Компания засмеялась. Слава не ответил. Он просто продолжал смотреть в серую высь, будто не слышал. Тогда один из парней подошёл ближе, толкнул его плечом.

— Слышь, ты чё, немой? Ты же раньше говорил, что там солнце. Где оно, твоё солнце? Сбежало? Испугалось?

Слава медленно перевёл на него взгляд. Парень отшатнулся на мгновение — не от страха, а от того, что в глазах Славы

не было ни обиды, ни злости. Там была только тишина.

— Оно ждёт, — сказал Слава тихо. — Когда перестанут бояться.

Парень засмеялся громче, но смех его звучал неловко, будто он хотел заглушить что-то внутри себя.

— Слышали? Оно ждёт! — крикнул он остальным. — Этот придурок ждёт, когда небо станет синим! Ну, ты даёшь!

Они ушли, оставляя за собой шум и хохот. Слава снова остался один. Он не злился. Он привык. Но в груди ныло — не от боли, а от того, что все они, эти люди, проходят мимо и не видят, что он несёт. Не видят, что он не издевается. Он просто помнит.

Он прошёл через город к старой пекарне, где иногда давали хлебные корки тем, кто не мог работать. Там стояла женщина с ребёнком, и её взгляд, когда она увидела его, стал почти таким же, как у тех парней.

— Опять ты, — сказала она. — Молись, чтобы хватило и на тебя.

Он не ответил. Просто взял корку и пошёл дальше. В спину ему летели слова, которые он слышал каждый день:

«Юродивый», «безумный», «не от мира сего», «потеряшка»...

И всё же он шёл. Он знал, что его «безумие» — это единственное, что осталось настоящего в этом городе. Единственное, что не сгорело в дыму.

Позже он сидел у водокачки и думал о Ладe. Её голос зву-

чал в его голове, когда он чинил старый механизм, который давно никто не мог починить.

— Ты сказала: «Я хочу знать, что там», — прошептал он.
— Ты ещё не знаешь, какую правду просишь. Но ты первая, кто не назвал меня сумасшедшим. Ты просто спросила: «Ты правда видел?»

Он поднял голову и посмотрел вверх.

— Я видел, — сказал он. — И я дойду. Если не для себя, то для неё. Я дойду.

Он встал и пошёл вглубь города, медленно, шаг за шагом. Он видел, как люди отворачивались от него, как шептались, как боялись его даже тогда, когда он не говорил ни слова. Они боялись его не потому, что он был злым, а потому, что он был свободным. Свободным от их правил, их страхов, их пустоты. Его вера в синее небо, в яркое солнце, в то, что "там" тоже есть люди, давала ту силу которой были обделены остальные.

Он вернулся в сторожку только к вечеру. Он сел на крыльце и достал осколок зеркала. Он смотрел в него, ища тот самый синий просвет. И когда ему показалось, что он увидел его — он улыбнулся.

— Я дойду, — повторил он. — Я иду к тебе.

Каждое утро в Приморском начиналось с голоса. Он лился из репродукторов на столбах, из вещателей на площадях, из маленьких приёмников, которые стояли в каждой кварти-

ре. Голос был ровный, тёплый, чуть хрипловатый — как у человека, который знает, что он делает, и желает вам только добра.

— Доброе утро, жители Приморского. Сегодня, как и всегда, держатели заботятся о вашей безопасности. Вчерашняя проверка показала высокий уровень сознательности. Благодарим вас за дисциплину. Напоминаем: ежедневная сводка о фронте — в 12:00. Помните: порядок — это воздух, которым мы дышим. Без порядка нет жизни. Без порядка нет победы.

Никто не замечал, что голос никогда не менял интонацию. Он не радовался, не грустил, не удивлялся. Он просто транслировал истину. Держатели были невидимы — они не появлялись на улицах, не раздавали приказов лично. Они были везде и нигде одновременно. В сводках, в инструкциях, в правилах, которые появлялись сами собой, как трава сквозь трещины в асфальте.

— Уважаемые граждане, напоминаем: любое упоминание о небесных явлениях, об очеловечивание смердов, и других рассказов не подтверждённых официальными источниками, расценивается как дестабилизация. Берегите себя и близких. Доверяйте только проверенной информации. Мы знаем, что для вас лучше.

И все кивали. Потому что им казалось, что их действительно защищают. Что война — это не беда, а испытание. Что тьма — не наказание, а норма. Что если кто-то говорит об ином — он либо враг, либо безумец.

— Согласно последним рекомендациям, гражданам категорически не рекомендуется собираться в группы более трёх человек без предварительной регистрации. Это сделано для вашей же безопасности. Помните: мы заботимся о каждом. Мы не оставляем никого без внимания. Мы — держатели. Мы — ваша опора. Мы — ваш свет, даже когда вокруг темно.

И в этой фразе, «ваш свет, даже когда вокруг темно», было столько силы и одновременно столько невысказанной правды. Свет, который они предлагали, был не настоящим. Он был отражением — вечным, серым, нерушимым. Но люди верили. Потому что им не с чем было сравнить.

Штаб-квартира Приморского. Уровень В-3. Ночь.

В подвальном помещении бывшего портового склада горел свет. Десять человек сидели за длинным столом — кто-то в форме, кто-то в гражданском, но всех их объединял один взгляд: холодный, цепкий, привыкший к цифрам и сводкам. С четким пониманием сути происходящего.

На экранах вещателей диктор безмолвно шевелил губами, так как звук был отключен.

Во главе стола — Старший. Единственный, у кого на груди была нашивка с тремя полосами. Остальные молчали, пока он медленно обводил их взглядом.

СТАРШИЙ:

— Докладывайте. Кто первый?

ВТОРОЙ (позывной «Вестник»):

— Южный блокпост. Задержали женщину, утверждает, что видела просвет в дыму. Трое суток назад. Проверку прошла?

СТАРШИЙ:

— Прошла. Но мы её не отпустим. Она опасна — не для нас, для других. Если она начнёт говорить, что видела свет и то, что "там тоже есть люди" это подорвёт «Инфраструктуру веры». Отправим на переподготовку.

ВЕСТНИК:

— Есть.

ТРЕТИЙ (позывной «Колокол»):

— Старший, у нас проблема на севере. Водокачка. Юродивый.

СТАРШИЙ:

— Юродивый? Это тот, кто чинит водокачку и смотрит вверх?

КОЛОКОЛ:

— Да. Его зовут Вячислав. В народе — Слава. Он не опасен, но он заражает. С ним начала общаться санитарка из госпиталя — Лада. Она уже дважды была у него. Её родители работают на заводе. Она сама — с хорошей репутацией.

СТАРШИЙ:

— И что она у него нашла?

КОЛОКОЛ:

— Не знаю. Но вчера на проверке она стояла и смотрела вверх. Дольше, чем положено.

Пауза. Старший медленно постучал пальцем по столу.

СТАРШИЙ:

— Смотри вверх — значит, ищешь что-то, чего нет. Это недопустимо. Какие варианты?

ЧЕТВЁРТЫЙ (позывной «Мера»):

— Мы можем снять её с должности. Отправить на окраину. Или просто сделать так, чтобы она перестала видеть юридиков. Но есть нюанс — если мы уберём её, она станет мученицей. А мученики растят последователей.

СТАРШИЙ:

— Тогда оставь её. Но сделай так, чтобы она сама поняла: её выбор опасен. Ей нужно понять, что за линией нет людей. Есть только смерды, и они хотят нас уничтожить. Если она продолжит верить — она станет угрозой. Пусть поймет цену своего выбора.

ПЯТЫЙ (позывной «Печать»):

— Старший, её отец... Он тоже когда-то смотрел вверх. Он перестал. Можно использовать это. Напомнить ему, чем заканчивается непослушание. Он поговорит с ней.

СТАРШИЙ:

— Хорошо. Используй отца. Надави посильнее — пусть она сломается, нам не нужен скандал. Мы ломаем, мы корректируем. Мы — держатели. Мы — опора. Мы — свет.

ВТОРОЙ (Вестник):

— А что с юридическим? Он же сеет правду о небе.

СТАРШИЙ:

— Он сеет не правду, он сеет «нестабильность». Правда — это то, что подтверждено. А то, что он говорит, не подтверждено. Мы не будем его трогать — он слишком заметный. Если он исчезнет, люди начнут спрашивать. Лучше дать ему говорить. Пока он говорит — он уязвим. Мы просто будем делать вид, что его не существует. Рано или поздно он устанет. А если не устанет — мы всегда сможем показать, что он ошибается.

ТРЕТИЙ (Колокол):

— Он не устанет, Старший. Он верит. По-настоящему.

СТАРШИЙ:

— Вера без подтверждения — это иллюзия. А иллюзия рано или поздно исчезает. Мы — держатели. Мы строим порядок. Мы не позволяем иллюзиям управлять людьми. Мы — их опора. Продолжайте наблюдение.

Лада увидела его издалека — он шёл вдоль ржавых крапов, опустив голову, но не смотря под ноги. Он смотрел вперёд, туда, где серая мгла сливалась с землёй. Она почти бежала, чтобы догнать его, и когда поравнялась, он даже не удивился. Будто знал, что она придёт.

— Ты всегда так быстро ходишь? — спросила она, переводя дыхание.

— Только когда есть куда идти, — ответил он, не сбавляя шага.

— А куда ты идёшь?

— К тому, что помню.

Она не стала переспрашивать. Она просто пошла рядом.

— Я вчера смотрела вверх, — сказала она. — Долго. Знаешь, там ничего нет. Только дым.

Он остановился. Повернулся к ней, и его глаза — те самые, с тихим светом — встретились с её взглядом.

— Ты смотрела в дым, Лада. Ты не смотрела сквозь него. Ты смотрела в то, что тебе показали.

— А что там, сквозь него?

Он сделал паузу. Рядом прошла женщина с ребёнком, бросив на них короткий взгляд — холодный, осуждающий. Слава не обратил на это внимания.

— Синее, — сказал он. — Бесконечное. Такое, что невозможно описать словами. Там есть солнце — не серый шар, а живое. Оно греет, даже когда ты не видишь его.

— И там есть люди? — спросила она почти шёпотом.

— Я верю, что есть, — ответил он. — Я не знаю, какие они. Но они есть. Они дышат тем же воздухом, только чистым. Они смотрят вверх и видят свет.

Она кивнула. Где-то за их спинами послышался смех — двое парней, которые, проходя мимо, переглянулись и покачали головами.

— Юродивый, — услышала она шёпот.

Слава усмехнулся, но в этой усмешке не было обиды.

— Они бояться не меня, — сказал он. — Они боятся того,

что я вижу. Потому что если я прав, то их мир — ложь.

— А если ты ошибаешься?

Он повернулся к ней и улыбнулся — той улыбкой, которую она видела в первый раз.

— Тогда я просто прожил жизнь, глядя вверх. А они — глядя вниз. Я знаю, что выбрал бы снова.

Они пошли дальше — двое, идущих по серому городу, не обращая внимания на взгляды, которые прожигали их спины. И в этом движении было что-то такое, что не поддавалось объяснению. Что-то, что рождалось не из слов, а из самого факта их присутствия.

Лада шла домой медленно. Внутри неё ещё звучал голос Славы — его слова о синем небе, о солнце, о людях за дымом. Они грели её, как редкий луч в серой мгле. Она почти улыбалась, когда подходила к дому.

Но у дверей она замерла.

Из приоткрытой двери доносились голоса. Не голоса родителей — те были тихими, почти беззвучными. А чужой голос — ровный, холодный, без единой ноты сомнения.

Она вошла. На кухне сидели двое. Один — в форме, с нашивкой, которую она видела только на площадях. Другой — в гражданском, но с той же выправкой, тем же взглядом. Они пили чай из кружек, которые мать поставила перед ними, и вели разговор, словно говорили о погоде.

— Ваша дочь, — сказал тот, что в форме, повернувшись

к Ладе, — она общается с юридическим. Это известно.

Мать побледнела. Отец сжал пальцы, но промолчал.

— Мы не запрещаем ей дружить, — продолжал Куратор.

— Но мы обязаны напомнить: дружба с теми, кто не принимает правила, может привести к последствиям. Вашей семье,

— он посмотрел на отца, — мы не хотим проблем.

Лада шагнула вперёд.

— Это я общаюсь с ним. Я хочу знать, что там, за дымом.

Я хочу знать, есть ли там свет, есть ли там люди.

Куратор поставил кружку на стол. Медленно, аккуратно.

— Ты хочешь знать, что там, за дымом? — переспросил он. — Мы скажем тебе. Там нет света. Там нет людей. Есть смерды, которые хотят уничтожить нашу нацию. И если ты продолжишь верить в их существование — ты станешь угрозой. А угрозы мы убираем. Быстро. Без лишнего шума.

Отец поднял голову.

— Она просто девочка, — сказал он сдавленно. — Она не понимает...

— Она уже не девочка, — перебил Куратор. — Она сделала свой выбор. Теперь она должна понять, что за выбором всегда следуют последствия. — Он поднялся, кивнул своему спутнику, и они направились к двери. Но у порога он обернулся:

— У вас трое суток, чтобы убедить её одуматься. Если она продолжит верить в сказки о небе и людях за дымом — мы будем действовать иначе.

Дверь закрылась. На кухне повисла тишина, такая густая, что её можно было резать ножом. Лада посмотрела на отца. В его глазах была усталость, смешанная с отчаянием. И она поняла: он боится. Не за себя — за неё.

— Я не откажусь от него, — тихо сказала она. — Я не буду молчать.

Отец долго смотрел на неё. Потом встал и вышел из комнаты, не сказав ни слова.

Ни слова не говоря, Лада развернулась и вышла из дому. Ей нужно было переосмыслить происходящее — ведь не просто так Кураторы пришли в их дом. Зачем? Чтобы показать силу? Чтобы запугать? Или чтобы она сама сделала выбор, который они так ждали?

Она шла медленно, но без остановки. Город дышал дымом, как всегда. Прохожих было мало — лишь возле вещателей собирались небольшие группы горожан, застывшие с поднятыми головами, ожидающие вечерних сводок. Голос из динамиков был ровным, гладким, но сегодня он звучал как насмешка.

Пройдя около двух кварталов, Лада вдруг поняла: она одна. Прохожие исчезли несколько минут назад. Улица была пуста — только серые дома, серый асфальт и дым, стелющийся над крышами.

Она ускорила шаг. Ей показалось, что кто-то говорит. Нет, не показалась — чей-то голос был явственным, он плыл из переулка и приближался. Сердце забило быстрее.

— ...ну здравствуй, крошка.

Она обернулась. Трое. Мужчины. Один в старой форме, двое в гражданском — но все с одним и тем же взглядом, который она уже видела у Кураторов. Только у этих он был не официальным, а хищным.

Они говорили о ней так, будто не здесь и не было - обсуждали между собой, взвешивали, как товар, кто первый, кто потом. Лада не разобрала слов - только тон, ленивый, уверенный, тон людей, которые точно знают, что им за это ничего не будет.

— Так это та, которая общается с дурачком, — сказал тот, что справа, ухмыляясь.

— Интересно, чем же зацепил этот недалёкий нашу малышку, — протянул второй.

— Да посмотри на неё, сразу видно: у нашего дурочка наверняка член полметра, она и запала на это.

Лада попятилась.

— Я... я просто... мне было интересно, — выдавила она, чувствуя, как голос дрожит.

— Интересно, значит? — тот, кого звали Корень, схватил её за волосы и прижал к стене. — А я тебе скажу, что будет, если интересоваться не тем.

Она попыталась вырваться, но второй уже подошёл ближе. Одним движением порвал её рубашку и схватил за грудь, сжимая так, что она вскрикнула.

— Давай посмотрим, что ты там укрыла от нас.

Страх, который на минуту сковал её, вдруг отступил. Лада резко вывернулась, ударила Корня коленом в пах и бросилась прочь.

— А ну стой, овца! — крикнул кто-то.

Удар в спину сбил её с ног. Она упала лицом в асфальт, оцарапав щёку о битое стекло.

— Ты что ж это, брыкаться вздумала, милая? — Корень навис над ней. — Значит, сосать у юродивого ты первая, а нас обделить хочешь?

Она не успела ответить. Не до конца придя в себя после удара по голове, она с трудом понимала, что происходит. Её прижали к мостовой, держа за руки, кто-то грубо сорвал с её ног нижнее бельё. Самый наглый из них лёг сверху.

— Не стесняемся, раздвигаем ножки, малыш, — прошептал он, тяжело дыша ей в лицо. — Хотела взрослой жизни, узнать то, что не нужно другим. Получай.

Она почти перестала чувствовать боль. Её разум заволокло пеленой, но в ней вдруг вспыхнула мысль: она не даст им себя сломать.

— Ты там ещё долго? Мы тоже хотим, — сказал тот, что сидел на её правой руке.

— Да не поверишь, грёбаная молния снова заклинило, — выругался тот, что сверху.

— Раз не можешь расстегнуть, сваливай. Я начну, — сказал второй. — Недаром мы здесь...

Он захрипел и рухнул на бок. Из его груди торчал обломок

монтировки.

— Не понял, что за хрень? Ты кто ещё, ублюдок? — крикнул Корень, оборачиваясь.

Второй не ответил — он уже лежал на земле, тяжело хрипя.

— Дядя, вали отсюда, Я ни на что не посмотрю, — раздался голос главаря.

Корень разминул плечи, готовясь к драке. Лада лишь успела увидеть, как на него налетел мужской силуэт.

— Вы зачем здесь? Кто вас послал? Мы же договорились — не трогайте её, — прозвучал голос отца.

— Поздно, дядя, очухался, — усмехнулся Корень. — Надо лучше следить за своими детьми. Тебе было чётко сказано: следи. Не смог — пеняй на себя.

Он резко взмахнул рукой — в ней блеснуло лезвие. Отец охнул и начал медленно сползать по стене. Из его шеи толчками хлестала кровь.

— Что, дядя, не ждал? — Корень вытер нож о штанину. — Ты думал, ты лучше? Или знаешь больше всех? Ты никто. И зовут тебя никак. А дочка твоя будет подстилкой для нас, пока не надоест. А потом мы её выбросим, как выбрасывали всех неугодных.

Лада уже поднималась с земли, острая боль пронзила колено. Она искала хоть что-то, что могло бы послужить оружием, но видела только разбитый асфальт и пустоту.

— Не трогай её, прошу тебя... — прошептал отец. Голос

его был тихим и сломанным.

— Ты глухой, дядя? Я же сказал...

Корень замахнулся, но не успел. Лёгкая тень скользнула между домами, бесшумно ступая. Прямо перед ним выросла фигура. Удар — и Корень рухнул как подкошенный.

— Спаси... — выдохнул отец.

— Я слышу тебя, друг, — сказал Вячеслав, опускаясь на колено. — Не волнуйся, я здесь. Я уберегу её.

— Уходите... Они знают. Жена рассказала, — прохрипел отец.

Слава склонил голову, как будто в знак уважения.

— Прости, что не верил, — сказал он глухо.

— Всё хорошо... Отдыхай, — выдохнул Слава и закрыл отцу глаза.

Лада смотрела на них, не в силах двинуться. Слушая их диалог, видя, с каким уважением они обращаются друг к другу, будто память о былой дружбе, она внезапно поняла: они знакомы давно. Это не просто встреча — это прошлое, которое выплыло на поверхность.

— Это? Как? Вы... — прошептала она, поднимаясь. — Вы знали друг друга.

— Да, — ответил Слава, не оборачиваясь. — Я давно знаю твоего отца. И теперь я знаю тебя. Пойдём. Нам нужно уходить. Этот город больше не место для тех, кто помнит свет.

Часть вторая. Дымная земля

Глава 1. Ночь, которая не кончается

Она сидела на полу в сторожке Вячеслава, прижавшись спиной к ржавой печке, и смотрела в одну точку. Глаза её были открыты, но она ничего не видела. Внутри — пустота. Такая глубокая, что даже боль не могла её заполнить.

Сторожка Вячеслава, была хоть и старая, потрёпанная временем, но довольно чистая. Было заметно, что её обитатель, старался держать все в порядке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.